

1

Просто позволь жизни случиться с тобой!

«От этой женщины неприятно пахнет», — читаю я о себе на мониторе ноутбука моего соседа. Краем глаза я подглядываю, что пишет мужчина-индеец, который сидит по правую руку от меня в кресле самолёта. Самолёт летит в Мумбаи.

Упс! И неудивительно, что от меня воняет! Чтобы сэкономить, я купила самый дешёвый билет на самый продолжительный рейс: Новосибирск — Москва — Цюрих — Мумбаи. Таким образом, для того чтобы попасть в Индию, мне пришлось перелететь из Сибири в центральную часть России, затем проведать старушку Европу и только потом приземлиться в Индии. Лягушка-путешественница!

«Для бешеной собаки семь верст — не крюк!» — сказал бы мой дедушка.

Самолёт плотно набит индийцами, словно кильками в консервной банке. Они тараторят и галдят, и уже только за счёт этого мой перелёт сильно отличается от

любого другого, который мне когда-либо приходилось совершать. На борту самолёта я отчётливо понимаю, что там, в Индии, будет всё совсем по-другому. От этой мысли я только крепче вжимаюсь в спинку кресла и, несмотря на усиливающуюся барабанную дробь в моей голове, стараюсь подумать о чём-нибудь приятном.

Перед тем как сесть в самолёт, я получила текстовое сообщение на мобильник от давней венгерской подруги Бианки с пожеланиями хорошей дороги.

«Just let the life happend to you!» — написала она.

(По-русски: «Просто позволь жизни случиться с тобой!»)

От этих слов мне становится по-настоящему тепло. Бианка всегда отлично чувствовала меня и умела подбодрить. Мы познакомились в США, в Висконсине, куда приехали по международной программе студенческого обмена.

За любовь Бианки к сладостям я прозвала её Печенюшкой. Помню, как в одну из наших прогулок по побережью озера Мичиган мы на двоих проглотили штук двенадцать пончиков с начинкой из черничного варенья, а потом она учила меня делать стойку на голове.

Бианка имела способность хорошо запоминать русские слова, особенно те, которые заканчиваются на *-шка*: *бабушка*, *печенюшка*, *матрёшка*, *картошка*, а её любимым словом было почему-то «тапички».

Русский язык она шуточно называла «кака-язык», потому что в нашем языке есть много слов, которые начинаются с *как*: *какой*, *какие-либо*, *как-нибудь*, *как-то* и так далее. Её наблюдение показалось мне ин-

тересным — раньше я никогда не обращала на это внимание.

Мы часто устраивались на могучих ветвях нашего дерева в саду и либо подолгу болтали обо всём на свете, либо просто пели песни. Детская песня «Антошка, Антошка, пойдём копать картошку» так ей понравилась, что она даже выучила её наизусть на русском языке.

От Печенюшки я училась смотреть на жизнь с лёгкостью. Воспоминания о ней всегда вызывают у меня улыбку и поднимают настроение. Вот и сейчас, находясь на борту самолёта, несущего меня в страну Неизвестность, я стараюсь расслабиться и позволить случиться со мной всему тому, что должно случиться.

Закрыв глаза, я забываюсь во сне.

2

Его желание окончить наши супружеские отношения объяснялось, в той или иной степени, отсутствием таковых.

В тот день мы, как всегда, поссорились из-за какой-то ерунды. Подобные мелкие перепалки с мужем я обычно быстро забывала. Если бы у меня через пять минут спросили, из-за чего мы повздорили, я бы уже не смогла вспомнить. Забыла!

К тому времени мы прожили в браке два с половиной года. В размерах Вселенной — это крошечный отрезок времени, а в размерах человеческой жизни — огромный жизненный опыт, который сделал меня мудрее.

До того как пожениться, мы лет десять встречались друг с другом. Андрей никак не мог решиться сделать мне предложение. Это расстраивало меня, но я всё равно продолжала надеяться и цеплялась за него.

Его нерешительность в действиях, страх перемен и склонность планировать всё на полжизни вперёд иногда выводили меня из себя. Он старался всё предугадать и «подстелить соломку» на случай, если вдруг придётся упасть. Спонтанность, гибкость во взглядах и чувственность были ему чужды. Главным органом его организма был мозг, который, как мне кажется, заставлял Андрея быть недовольным всем миром и самим собой. Мозг, приносящий страдания.

К тому времени нам обоим исполнилось по тридцать лет. Кризис тридцатилетних, о котором я много слышала, пришёл ко мне внезапно, даже не прислав заранее предупредительной эсэмэски на мой мобильник. Бывает же!

С одной стороны, мы были молодой перспективной семьёй — вроде бы живи да радуйся. А с другой стороны, наши отношения уже давно перестали радовать меня. Мы были разными.

Мой муж — заземленный прагматик. Для него прежде всего важны стабильность и определённая чёткость. Чувства и эмоции он считает чепухой и придаёт значение только разуму. Андрей совсем не спортивен, он не любит движение. Иногда его невозможно сдвинуть с места. Ему требуется подъёмный кран.

Я — парящая в воздухе птичка. Перелётная ласточка. Мне свойственны эмоциональность, жажда к переменам и любопытство. Андрей постоянно просил меня спуститься с небес на землю, предлагал запретить мои кры-

ля в шкаф, а ключ выкинуть с моста в реку. Он твердил, что смотреть на жизнь так, как смотрю на неё я, нельзя.

В детстве моя мама иногда называла меня настоящим индейским именем «Ленка Огненные Пятки». Причиной тому служило моё стремление к движению. Передвигалась я быстро и хаотично. Раньше у меня даже постоянно рвались носки на пятках. Мне нравилось, когда мама называла меня этим индейским именем — от него веяло приключениями.

В тот памятный день по крыше нашего дома как будто ударила молния, и стены зашатались у самого их основания.

— С меня хватит! Я хочу с тобой развестись! — вдруг хладнокровно заявил мне муж.

Я подумала, что он блефует, и стала блефовать в ответ:

— Я согласна! Мы можем пойти в загс и прямо сейчас подать заявление о разводе!

Я надеялась, что он испугается, начнет жалеть о своих словах, сказанных сгоряча, и будет извиняться. Но не тут-то было! Что-то подсказывало мне, что он настроен очень решительно.

Холодный пот стал струиться по моей спине — разводиться я совсем не хотела. Конечно, наши отношения меня тоже не устраивали, но уйти от него первая я не решилась бы никогда! Слишком уж велик был страх неизвестности. Двенадцать лет своей жизни я провела с ним. Он был единственным мужчиной в моей жизни. Я настолько привыкла к мужу, что не представляла, как я смогу без него выжить. Мысли о других мужчинах меня пугали. Я не могла вообразить, что могу быть интересна кому-то ещё.

Мы ходили в один детский сад и нравились друг другу. Уже тогда он как мог, по-детски, оказывал мне знаки внимания. Делал он это открыто, с той наивностью, которая свойственна детям. Нас дразнили «жених и невеста». Андрей — моя первая любовь, и мне было всегда приятно думать о том, что наша любовь будет тянуться через года. Я наивно полагала, что первая любовь — это самая сильная любовь.

Его желание окончить наши супружеские отношения объяснялось, в той или иной степени, отсутствием таковых. Он сказал, что не видит больше ничего такого, что бы нас объединяло, ничего, ради чего нам стоило быть вместе...

— Я настаиваю на разводе. Давай быть честными друг с другом — мы живём вместе только потому, что это удобно и комфортно для нас обоих, — говорил Андрей.

Наверное, он был прав. Я каждый день стояла у плиты и хлопотала по хозяйству, а он либо выполнял какую-то элементарную мужскую работу по дому, либо просто лежал на диване. В последнее время секс между нами сошёл на нет. Мы вели себя словно брат и сестра, вынужденные жить под одной крышей. Нам всё наскучило. Эх, жизнь моя жестянка!

Кто был виноват в том, что наши отношения оказались в трясине и приобрели застойно-болотный характер? Конечно же мы оба. Отношения — это всегда заслуга обоих партнёров. Женщина и мужчина сидят в одной лодке и вместе задают курс. Если они гребут в одном направлении, лодка движется плавно и быстро, достигая цели. Если же партнёры не могут договориться и работают вёслами в разных направлениях,

то, как правило, небо покрывается тучами, начинает бушевать буря, льёт сильный дождь, лодка начинает тонуть и в конце концов уходит на дно.

3

**До тех пор, пока ты не выйдешь
за пределы зоны твоего комфорта,
ничего нового не произойдёт в твоей жизни.
Ты так и будешь продолжать страдать.**

Часто, заперевшись одна в своей комнате, я разговаривала сама с собой. Стены в комнате были выкрашены в отвратительный коричневый цвет. Мой муж выбрал этот цвет и не разрешал мне перекрасить комнату. Эта квартира принадлежала ему, и я никогда по-настоящему не чувствовала себя там дома. В нашем браке не существовало таких понятий, как «мы» или «наше», зато всегда были «я» и «моё».

Сидя одна в тёмно-коричневой комнате, словно в окопе, время от времени я обращалась к пустоте. Безысходность и печаль овладевали мной. Я поняла, что даже пустота умеет разговаривать, если научиться слышать её.

— Ёлки-палки, неужели такой и должна быть семейная жизнь? Куда ушла радость? А люблю ли я вообще своего мужа? — задавала я вопросы пустоте.

Поначалу я конечно же любила Андрея. Но с годами любовь стала вытесняться болью. Любви становилось всё меньше и меньше, а обид всё больше и больше.

В последнее время пустота всё чаще и чаще отвечала мне:

— Ты не любишь его, ты с ним только потому, что это комфортно и безопасно для тебя. До тех пор, пока ты не выйдешь за пределы зоны твоего комфорта, ничего нового не произойдёт в твоей жизни. Ты так и будешь продолжать страдать.

Я всячески пыталась не слышать этот ответ и не думать о нём. Я надеялась, что пустота ошибается. Но голос из ниоткуда становился всё громче и настойчивее, пока в какой-то момент я не поняла, что уже не могу заглушить его.

Тем не менее мысль о разводе невероятно пугала меня. Моему тесному миру, который я тщательно создавала и обустроивала и гражданами которого являлись мой муж и я, грозил полный крах. Я боялась, что мой и без того маленький мир скоро может уменьшиться до размеров одного человека, то есть, собственно, меня. Возможное одиночество страшило меня.

Моё сердце бешено колотилось от страха, грудь сжимало, а виски лихорадочно пульсировали. Инстинкт самосохранения подсказывал мне, что нужно спасать ситуацию. Все колесики и шестерёнки разом закрутились в моей голове, и я стала судорожно соображать. «Если блеф не помог, то надо сменить тактику», — думала я.

— Я очень-очень люблю тебя и не хочу развода. Позволь мне всё исправить. Давай начнём всё сначала, — стала умолять его я.

Тогда мной руководила не любовь к мужу, а страх остаться одной. Лишь по прошествии некоторого времени я осознала это, но когда я произносила эти слова, то искренне верила в них. Часто мы думаем, что действуем из состояния любви, на самом же деле нами руководит страх потери привычной безопасности.

**...большинство людей
похожи на лунатиков —
полностью не спят
и не полностью проснулись.**

Я умоляла мужа ещё раз всё тщательно обдумать. Я предлагала начать всё сначала, предлагала вместе съездить в отпуск или вместе походить на консультации к психологу. Хваталась за спасательный круг.

Он согласился взять несколько дней на раздумья...

Это были мучительные и ненавистные для меня дни. Мне казалось, что моя жизнь висит на волоске и зависит от того, какое решение он примет. Либо я смогу спасти свою шкуру и остаться жить в безопасности, либо со свистом вылечу за двери его квартиры в объятия неизвестности.

Лишь позже я пойму, что безопасность — это иллюзия. Желание безопасности и стабильности — безнадежно и никогда не осуществится. Мы часто выбираем жить жизнью мертвеца и не выходим из нашей «зоны комфорта»: не рискуем, скапливаем деньги, покупаем десятки различных страховок, делаем только то, что от нас ожидают, планируем будущее на годы вперёд, живём с нелюбимыми и умеем любить только с *подушкой безопасности*. Такую жизнь мы называем «жить ответственно» или «быть взрослым». По правде же, большинство людей похожи на лунатиков — полностью не спят и не полностью проснулись. Другими словами, мы похожи на кроликов, трясущихся от испуга. Отказываясь покидать «зону комфорта», мы либо пребываем в состоянии полумёртвых, либо живём всего лишь на половину.

Время текло неумолимо медленно. Я всё время плакала. От этого моё тело ослабло, ноги подкашивались, и тошнота подкатывала к горлу. На меня, как бы дразнясь, то и дело накатывали мысли о том, сколько хорошего нам пришлось пережить вместе: семейные праздники, путешествие в Америку, совместный ресторанный бизнес.

После окончания университета я утянула его за собой в США. Там мы много работали, но и много путешествовали. Вместе мы исколесили все штаты, поддерживали друг друга в чужой стране и были тогда близкими людьми. Позже, поженившись, мы открыли своё кафе. У нас было всё — чувства друг к другу, материальная обеспеченность и хорошее положение в обществе.

Я отказывалась поверить в то, что наш роман поджидал такой вот конец. Получается, что при первых серьёзных трудностях в отношениях Андрей побежал с тонущей лодки и оставил меня тонуть. Лозунг «вместе мы сила» существовал, к сожалению, не для нашей семьи.

В то тяжёлое для меня время я и предположить не могла, что этот развод может явиться сказочным началом моей новой истории.

5

...страх живёт всего лишь в моей голове...

Намасте, чудесная Индия!

Приземлившись в аэропорту Мумбаи, на стойке выдачи багажа я знаколюсь с двумя молодыми индийцами, летевшими со мной одним рейсом. Им, так же как и мне, нужно добраться до города Пуна. Мы на троих

берем одно такси и отправляемся в путь. Конечно, мне страшно садиться ночью в одну машину с незнакомцами непредсказуемой национальности, но ещё страшнее было бы остаться ночью одной в окрестностях аэропорта. Истории о случаях исчезновения европейских девушек в Индии, услышанные от знакомых в России, пугают меня, но я всё же решаю ехать с незнакомцами. Эх, была не была!

Всем своим видом я пытаюсь выглядеть хладнокровно, поддерживаю беседу и не выдаю свой страх. Я знаю, что страх живёт всего лишь в моей голове, поэтому прилагаю большие усилия, отгоняя негативные мысли, и стараюсь думать позитивно. Знание того, что мои попутчики временно живут и работают в Амстердаме, немного успокаивает меня. Для меня это означает, что они — не *индийцы-индийцы*, а они — *индийцы-европейцы*.

Несмотря на глубокую ночь, на улицах снуёт невероятно много народу. На обочине вовсю кипит жизнь: туда-сюда бегают люди с какими-то ношами на голове, открыты кафе и бензозаправки. Я ужасно голодна, но ни о какой еде думать не могу. Страх неизвестности парализует, а темнота только усиливает это чувство. Я мечтаю только об одном — поскорее добраться до своей комнаты в отеле, закрыться в ней от всего мира на замок и остаться одной.

Через три часа езды, добравшись до Пуны, остаток ночи провожу в гостинице. Получив номер, я быстро, словно загнанная антилопа, одним прыжком бросаюсь в своё убежище. При помощи тяжёлого ржавого металлического засова с грохотом захлопываю дверь и оказываюсь в безопасности. Спасена!

Оглядываюсь. Комната сильно отличается от тех чистых и комфортабельных номеров, к которым я привыкла. На подоконниках лежит слой пыли, со стен сыпется штукатурка, пол уже давно не мыт. На потолке дребезжит огромный вентилятор, который вот-вот рухнет на пол. Он напоминает пропеллер вертолѐта, упавшего полвека назад где-нибудь в Гималаях.

Уже четыре часа утра, и жутко хочется спать. Принимаю холодный душ. Зубная щетка не гуляла по моим зубам уже больше суток, поэтому я решаю всё-таки рискнуть и почистить зубы водопроводной водой сомнительной чистоты. Бутилированная вода у меня уже давно закончилась. На случай, если меня вдруг *пронесёт против ветра на три метра*, в моей косметичке лежат средства, которые «должны быть всегда при себе» — угольные таблетки и туалетная бумага.

6

**...мне действительно
стоило приехать в Индию,
чтобы встретить здесь
самого «Ричарда Гира»...**

Утром я просыпаюсь в хорошем расположении духа, отдохнувшая и готовая к чему-то СОВСЕМ неизвестному. Встав с кровати, долго стою у окна и краем глаза изучаю дневную индийскую уличную жизнь.

Жизнь здесь похожа на пѣстрый муравейник. На улице снуѐт ОЧЕНЬ много народу. Женщины в ярких сари, разъедающих глаз, продают вдоль дороги различные товары. Мужчины, на которых надеты лишь набедренные повязки, несут на головах огромные со-

ломенные корзины. Босоногие дети, бегающие почти нагишом, пристают к прохожим и попрошайничают. Шум, суета, суматоха. Всё перемешалось между собой, словно сочный винегрет в огромной салатной миске: люди, животные, дома, рикши.

Я смотрю в окно. Стекло — это экран телевизора, а всё, что я вижу за стеклом, — это всего лишь кино. Ощущение реальности отсутствует напрочь. Звуки улицы ослабевают, а её движения превращаются в фантомы. Сама улица через прозрачное, но прочное стекло представляется пульсирующим в потустороннем мире явлением. Всё происходит как в замедленном кино. Не знаю, как долго я смотрела этот кинофильм, — может, десять минут, а может, больше часа, но постепенно я прихожу в себя и понимаю, что мне нужно выходить на ЭТУ улицу и оказываться в ЭТОМ хаосе. Мне предстоит выйти из моего убежища, оказаться вовне, стать активной и погрузиться в это явление, пережив пульсацию улицы во всей её полноте.

Следуя советам бывалых путешественников — подготавливаясь к поездке в Индию, я читала советы в Интернете пачками, — предпринимаю необходимые меры предосторожности для того, чтобы исключить излишнее внимание к своей персоне. Чтобы скрыть свои длинные светлые волосы и светлую кожу, надеваю на себя спецобмундирование: длинные штаны-шаровары и широкую бесформенную футболку. На голову натягиваю панамку, а на нос водружаю огромные тёмные очки, служащие мне защитной маской. Шпионка!

Выйдя из своего убежища, я оказываюсь в том кинофильме, который только что смотрела через окно. Меня тут же вихреобразно обвивают различные звуки,

обволакивают запахи, а яркие пятна улицы теперь играют прямо перед глазами. Калейдоскоп!

Незаметно, стараясь избегать любопытных взглядов местного населения, я, словно тень, быстро пробираюсь сквозь бурлящую уличную жизнь. Через пять минут я уже оказываюсь в German bakery (Немецкой пекарне). Об этом кафе, излюбленном месте встреч всех европейцев в Пуне, я узнала из форумов в Интернете. Здесь я надеюсь завязать с кем-нибудь знакомство, расспросить об ашраме, о жизни в Пуне и найти себе комнату для жилья на всё время моего пребывания в этом городе.

В ашрам я хочу попасть для того, чтобы заниматься динамическими медитациями, с которыми познакомилась меньше года назад в России. Медитации приносят мне ощутимую пользу и благотворно влияют на моё душевное состояние. Сидя дома в России, я часами разглядывала фотографии этого ашрама: огромную пирамиду для медитаций, пруд, усыпанный цветами лотоса, статую Будды, сидящего на берегу, благоухающий тропический сад и белые тропинки. Незабываемо!

Оказавшись в Немецкой пекарне, я вижу десятки посетителей в маруновых одеждах. Маруновый цвет — это цвет ашрама, и все медитирующие здесь носят одинаковые робы. Мне нравится такое правило. Единый цвет одежды создаёт атмосферу единства и помогает сохранить внимание не на внешнем, а на своём внутреннем мире.

Все места в кафе заняты. Как школьница в свой первый день в новой школе, стою посреди зала с подносом в руках, в надежде, что меня кто-нибудь пригласит к себе за столик. На меня никто не обращает внимания —

все заняты общением друг с другом. Тут я замечаю свободное место. Столик со свободным местом занимает пожилой худощавый человек, по-видимому, уже несколько дней не брившийся и не мывшийся. Я спрашиваю разрешения подсесть к нему. В моём новом собеседнике нельзя разглядеть ни белокожего, ни чернокожего, ни индийца. Грязь, уличная копоть и беспощадное индийское солнце наложили на него свой отпечаток.

— Ричард, — представляется он мне, протягивая костлявую руку. — Ричард Гир.

Я осознаю, что моё лицо непроизвольно рисует знак вопроса. В ответ на это «Ричард Гир» рассказывает мне о том, что он является большим поклонником Голливуда и голливудских фильмов.

За час нашего совместного кофепития «Ричард» посвящает меня во все последние события жизни Голливуда, словно матёрая бульварная газета: кто на ком женился, кто с кем развёлся, кто с кем спит, как зовут детей звёздных родителей, кто сколько зарабатывает и какого размера дом имеет. Он засыпает меня названиями кинофильмов, именами обладателей Оскара и высказывает свою точку зрения на ту или иную картину. Но и это ещё не все... Так как мой новый знакомый воображает себя известным голливудским актёром Ричардом Гиrom, он цитирует реплики из его фильмов. Я пребываю в лёгком недоумении от красочных фантазий и обрушившейся на меня информации о Голливуде (не совсем полезной для моего пребывания в Пуне). Да, мне действительно стоило приехать в Индию, чтобы встретить здесь самого «Ричарда Гира» и услышать из его уст содержимое энциклопедии «Вся подноготная Фабрики грёз».

В какой-то момент мой новый знакомый резко, так же резко, как меняется настроение беременной женщины, меняет тему разговора и спрашивает меня:

— Тебе комната нужна?

Вот это уже ближе к делу! Ведь именно за этим я сюда и пришла! — радуюсь я.

7

**Покажи человеку,
что ты такой же, как и он,
и ты заслужишь его уважение!**

«Ричард» привёл меня к Нанде, владельцу трёхэтажного дома, индийцу лет сорока. Дом вмещает в себя шесть отдельных комнат — по две на каждом этаже. Мне удаётся договориться с Нандой о хорошей цене после торгов. Повезло!

Я догадываюсь, что по индийским меркам сняла достаточно приличное жильё. В комнате стоят кровать, небольшой стол, стулья и шкаф. Что мне здесь особо радует глаз, так это шторы — семь разноцветных полосок из шёлка. Очень колоритно и по-индийски!

Тут же, не теряя времени даром, Нанда вручает мне свои визитки и просит о том, чтобы я порекомендовала своим знакомым (которых у меня ещё, между прочим, нет) снимать комнаты именно у него.

— Приведи ко мне полных женщин! Костлявые и худые, как ты, мне не нравятся, — шутит он.

Я слышала, что быть полным в Индии — это определённый общественный статус, что-то вроде хорошего тона. Телесная полнота — это признак достатка и здоровья. Рядом с богатым солидным индийским мужчи-

ной никогда не увидишь тощей женщины — они не в почёте. Так, например, хороший тон для женщины в России — наличие шубы из натурального меха, в Индии же — быть полной и упитанной.

Чтобы провести влажную уборку в моей новой комнате, которая здесь не делалась со времён царя Гороха, по моей просьбе ко мне приходят две индианки, помощницы Нанды. Вежливо прошу их помыть то здесь, то там, но они, по-видимому, совсем не хотят работать. Женщины настроены недружелюбно и делают вид, что не понимают по-английски. В результате, злясь на индианок за их лень, я не выдерживаю и сама хватаюсь за тряпку. В надежде пробудить в них стыд, оттираю грязь с мыслями: «Ладушки, сейчас я вам покажу, как надо работать!»

Результат моего героического поступка был до смехоты непредсказуемым. Лица моих золушек тут же озаряются улыбкой, и вместо того, чтобы начать работать усерднее, они бросают свои тряпки. Индианки залезают с ногами на мою кровать и начинают наперебой что-то весело рассказывать мне на вполне внятном английском!

Едрёна-матрёна! Раньше я бы вскипела от негодования и подумала бы, что инициатива наказуема. Сейчас же делаю другой вывод и самодовольно улыбаюсь: «Покажи человеку, что ты такой же, как и он, и ты заслужишь его уважение!»

Потом Нанда отвозит меня в магазин, чтобы купить продукты. Мы несёмся на мотоцикле с бешеной скоростью, не соблюдая правил дорожного движения, и я начинаю сомневаться, что таковые здесь вообще существуют. Болтаюсь у него за спиной, как пустой рюкзак, сцепившись мёртвой хваткой в его рубашку. Каждый

раз, когда мы проскакиваем на красный свет светофора, очередная порция адреналина подступает к моим вискам. Когда мне кажется, что мы вот-вот на кого-нибудь наедем, я либо дико визжу, либо с огромной силой захопываю глаза, мысленно приготавливаясь к самому худшему. Ух-х-х!

Рикши, автомобили, мотоциклы, велосипедисты и пешеходы. Здесь нельзя разглядеть ни левостороннего, ни правостороннего движения — всё смешалось в одну кашу-малашу. Тут нет ни тротуаров (пешеходы перемещаются по кромке проезжей части), ни дорожных разметок.

Если бы я захотела вышить на лоскутке ткани траекторию движения каждого индийского транспортного средства, то получилась бы не прямая строчка, а зигзаг машинки «Зингер». Транспорт бешено петляет по проезжей части, обгоняя друг друга как слева, так и справа.

Кстати, именно в Индии показатель количества жертв на дорогах один из самых высоких в мире.

8

**Мои друзья держат меня за сумасшедшего.
Но я не такой. Я такой, какими были бы и они,
если бы не так сильно всего боялись!**

Джонни Депп

И вот я стою у ворот медитационного центра! Сбылась моя очередная сумасшедшая мечта! Ура!

Многие знакомые в России посчитали меня ненормальной — тронувшейся от расставания с мужем, — когда я им торжественно объявила, что еду одна на полгода в Индию.

Да, наверное, я — ненормальная, я определённно не такая, как все. Я не могу жить спокойной, размеренной и однообразной жизнью. Мне необходимо, чтобы жизнь была горячим ключом, чувства бурлили, адреналин заставлял кровь вскипать. Только тогда я чувствую, что я живая, что я дышу. Авантюристка!

И тут мне вспоминаются слова Джонни Деппа: «Мои друзья держат меня за сумасшедшего. Но я не такой. Я такой, какими были бы и они, если бы не так сильно всего боялись!»

Когда жизнь насыщена яркими событиями, когда каждый новый день не похож на предыдущий, тогда ты можешь интенсивнее чувствовать вкус жизни, улавливать её оттенки, замечать каждую запятую в её рассказе и слышать каждый звук в её песне. Уму просто не остаётся свободного времени возвращаться в прошлое или бессмысленно блуждать в неизвестных лабиринтах будущего. Научиться ценить настоящий момент и радоваться жизни прямо здесь и прямо сейчас — вот одна из причин моего решения приехать в Индию.

— Вы здесь для того, чтобы зарегистрироваться в ашраме? — обращаюсь к симпатичному блондину и миниатюрной черноволосой девушке, судя по всему, японке, сидящим возле стойки регистрации медитационного центра. Они кивают.

Его зовут Макс. Он — психолог из Германии, приехал в Индию неделю назад. Её зовут Мамми. Она — редактор одной из японских газет и уже в течение месяца одна путешествует по этой стране.

Мы знакомимся, и после регистрации и заполнения всех необходимых документов я с радостью соглашаюсь на предложение вместе пообедать. Лишь бы ни на

минуту не оставаться одной в этой безумной стране! Макс и Мамми оказались очень милыми и общительными ребятами, и мы быстро находим общий язык.

В Немецкой пекарне я осведомляюсь у кассира о возможности заказать какое-нибудь типичное индийское блюдо, на что получаю весьма оригинальный ответ:

— Ты знаешь, почему наше кафе пользуется популярностью и у нас всегда много посетителей? Да потому что у нас в меню нет НИЧЕГО индийского! Если хочешь попробовать индийскую кухню, то она везде, но только не у нас! — заявляет кассир.

В итоге я заказываю себе картофельное пюре с салатом, прямо как в России, и изумительный индийский чай с имбирем и молоком. Кстати, слово «чай» на хинди звучит так же, как и на русском, — «чай». Это, пожалуй, единственное сходство индийской и русской культур.

Вечером, перед тем как идти спать, я отправляю эс-эмэску сестре: «Я выжила! Мой первый день в ашраме прошёл на сплошных эмоциях. Новые друзья и море впечатлений. То ли ещё будет!»

9

**Каждый день, каждый час и каждую минуту
мы делаем какой-либо выбор.
И каждый раз, сделав тот или иной выбор,
мы направляем свою жизнь, словно ручей,
в новое русло.**

Когда от меня ушёл муж, я первый раз в жизни задумалась о том, что сама собираю свою жизнь по кусочкам, словно пазл. Смогу ли я собрать этот пазл в красивую